

А. Б. Лярский

Рецензия на монографию И. В. Синовой
«Дети в городском российском социуме
во второй половине XIX – начале XX в.:
проблема социализации, девиантности
и жестокого обращения»¹

**Лярский Александр
Борисович,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Северо-Западный
институт печати
Санкт-
Петербургского
государственного
университета
технологии
и дизайна
(Санкт-Петербург,
Россия)

К сожалению, если отвлечься от деклараций и обратиться к самой практике исторических исследований, то эта практика показывает, что история детства часто воспринимается именно как периферийная сфера, часть истории повседневности, замкнутая в изучении своей проблематики так же, как и само детство сейчас замкнуто в резервациях детских садов и площадок, телевизионных программ детских каналов и несовпадающих режимах дня родителей и детей. А между тем, это очевидное заблуждение, постольку, поскольку история детства — это и есть история общества. Какую экономическую ценность имеет ребенок? Какова его роль и в экономике семьи и в экономике страны, хотя бы с точки зрения соотношения его заработка и затрат на его содержание? Как распределяется время и внутри семьи, и внутри отдельной человеческой жизни, и есть ли в этом распределении место для того, что мы называем детством? Как взрослый освобождается от ребенка на время работы, если в его распоряжении нет социальных служб? Эти и подобные им наивные вопросы позволяют немного освободиться от заблуждений и обратить внимание на детство как на социальную силу, поддерживающую и меняющую мир. И. В. Синова, автор книги о городском детстве модернизирующейся России, как раз и обращает внимание на то, что нам необходима «реконструкция особенностей общества с учетом детского фактора, который часто влияет на создаваемую общую картину» (С. 13). Сразу отметим, что это утверждение не стало для автора только декларацией. Но прежде — еще немного о перспективах понимания эпохи, которые открывает перед нами эта книга.

История детства — это история будущего. Тем более важно это помнить, когда речь идет о детстве конца XIX – начала XX в. Фактически перед нами история накопления того жизненного опыта, который переплавится в историю страны, в ее революции и ее стройки, в ее победы и ее расстрелы. Егор Жуков — ремесленный ученик, Родион Малиновский — батрак и мальчик в лавке, фабричный подросток Кирилл Мерецков — они

вырастают и становятся маршалами победы, они находят себя в новой России и не потому ли отчасти, что Россия старая повернулась к этим детям и подросткам самой убогой и страшноватой своей стороной? Справочники, такие как «Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР» или «Кто руководил НКВД»², напомнят любому своему читателю о том, что советская элита в массе своей — это дети конца XIX – начала XX в., причем, как правило, дети очень низкого происхождения, и тот жизненный опыт, который лег в основу их карьеры и их поведения, никак нельзя назвать благоприятным и достойным повторения. Что же это был за опыт и почему он всегда — и чаще в большей степени, чем в меньшей — негативен? Ответить на эти вопросы можно, обратившись к исследованию И. В. Синовой. При знакомстве с этой книгой читатель понимает, почему хрестоматийная история чеховского Ваньки Жукова соответствовала «реальным условиям жизни учеников» (С. 124), и почему другому Жукову, Егору, с его возможностью посещать вечерние занятия и минимальными побоями³, еще очень и очень повезло.

Опираясь на обширный круг источников (законодательных, делопроизводственных, публицистических и мемуарных), обращаясь к фондам Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, автор освещает самые разные аспекты существования детей городских низов, в основном касаясь проблем эксплуатации детей и жестокого с ними обращения, а также исследуя девиантное поведение подрастающего поколения — преступность, самоубийства, алкоголизм. Затрагиваются самые разнообразные, но взаимосвязанные сюжеты: продажа детей родителями в обучение, ремесленное ученичество, малолетние правонарушители и проститутки, юные акробаты и нищие — самые разные варианты судеб городских детей. То общество, которое предстает перед нами — это общество, в котором можно беспощадно спаивать и избивать детей, выжигать им глаза (С. 128), ломать позвоночник при тренировках в цирке (С. 134), принуждать к торговле собой. Наряду с этим И. В. Синова не упускает из виду те меры, которые предпринимали государственные органы и общественность России для смягчения тяжелого положения детей и для борьбы как с преступлениями по отношению к малолетним, так и с самими малолетними преступниками. Автор всякий раз — и совершенно справедливо, как нам кажется, — констатирует недостаточность этих мер (С. 124–125, 148, 237).

Касаясь причин, приведших к такому положению, И. В. Синова указывает на то, что модернизация России во второй половине XIX в. привела российское общество в состояние аномии, следствием которого были отклонения в процессе социализации детей (С. 43), массовая детская безнадзорность и преступность (С. 42). Одновременно автор указывает, что в модернизирующемся российском обществе «сохранялось униженное и неравноправное положение женщин и детей, особенно среди низших слоев общества, а в массовом сознании продолжала господствовать авторитарно-патриархальная модель отношения к ребенку» (С. 41–42). Однако в дальнейшем, выстраивая свое повествование, И. В. Синова, как кажется, неоправданно много уделяет внимания социально-экономической модели объяснения сложившегося отношения к детству, забывая об уже обозначенной двойственности российской ситуации. И, думается, недостаточное внимание к этому культурному аспекту не позволяет автору описать ситуацию в ее динамике и полноте. Ускоренная модернизация в архаичном обществе накладывает на существующие модели поведения, тем самым позволяя этим моделям прорасти в новых условиях и средах. Несправедливое, неравноправное, и вполне традиционное отношение к ребенку было терпимо в крестьянском и городском семейном кругу, но новая экономическая ре-

альность дает возможность проявиться такому архаичному отношению в наиболее бесчеловечной форме, в виде беспощадной эксплуатации труда малолетних вне семьи, а это сначала порождает общественную реакцию и законодательные ограничения, что уже, в свою очередь, начинает изменять и отношение к детскому труду, и сам статус подростка. Более того, с этими изменениями изменяется постепенно и сама капиталистическая среда, которая так портила жизнь ребенку — например, по мнению исследователя двадцатых годов В. Ю. Гессена, «ограничительные правила об использовании труда малолетних рабочих» повысили цену на труд в некоторых районах и заставили интенсифицировать производство, что повлекло за собой и повышение прибыли, а, следовательно, и зарплат⁴. Таким образом, если В. Ю. Гессен прав, то кое-где начало интенсификации производства положило начало отказу от архаичных форм отношения к детству, обусловленному государственным вмешательством. Этот же процесс, хотя и проходивший в другом темпе, характерен и для других сфер эксплуатации детского труда. Общество уходит от патриархального отношения к детству, только поняв всю его дикость, проявившуюся в период модернизации с особенной силой, но существовавшую еще до всякой модернизации.

Кроме этого непоследовательного отношения автора к собственным же положениям, читателю также трудно иногда примирится с определенной концептуальной рассеянностью некоторых пассажей работы. Например, автор с самого начала говорит о том, что «на современном этапе изучение детства дореволюционного периода представляет скорее источниковедческий интерес...», так как созданные в те годы многочисленные исследования имели публицистический характер, а в ряде случаев являлись обоснованием разнообразных общественно-политических взглядов авторов» (С. 14). С. И. В. Синовой невозможно не согласиться — действительно, в российских условиях судьба ребенка была чрезвычайно значимым аргументом в руках критиков монархического режима. Однако в дальнейшем своем повествовании И. В. Синова опирается на построения представителей русской общности конца XIX – начала XX в. без всякой критической рефлексии. Это касается и классификации нищенства (С. 129–130), и определения причин самоубийств (С. 201 и далее), и типологии детей-преступников (С. 155–156). Труды общественников и экспертов конца XIX – начала XX в. — это труды возмущенных профессионалов и либералов, ориентированных на европейские нормы, и их возмущение вполне соответствует нашему возмущению, которое неминуемо возникает при знакомстве с фактами, приводимыми И. В. Синовой. Но почему надо признавать их описание адекватным? Только потому, что оно соответствует нашим нормам морали и тем самым подтверждает нашу правоту? Но в таком случае нормы самих городских низов, описанные исключительно в патологическом ключе, останутся для нас тайной и навсегда скроются от понимания за ярлыком бескультурия. Думается, что мы вообще нуждаемся в неморальной истории детства. В истории, исходящей из того, что ребенок может быть нежелательной неизбежностью, что ребенок был рабочей силой и экономическим ресурсом, и это — вовсе не искажение, а норма, не «неправильное», искореженное детство, а часто единственное детство, которое было.

Попутно, поскольку речь зашла о критических замечаниях, невозможно не высказать претензий к редакторской работе. Большое количество повторов (например, с. 40 и 77, или на с. 22) или те места, в которых автор случайно переставил слова (например, на с. 201 во фразе «две трети самоубийств приходилась на девочек...а одна треть — на мальчиков») еще раз заставляют сожалеть об отсутствии настоящей научной редактуры в издательстве, выпустившем книгу в свет.

Тем не менее, при всех, возможно — неизбежных, недочетах, исследование И. В. Синовой является чрезвычайно ценной работой. И благодаря собранному материалу, сведенному в единый текст, и благодаря открывающимся перед нами перспективам для осмысления жизни людей, создававших новую социалистическую Россию, и благодаря возникающим возможностям понимания советской концепции детства, которая во многом строилась на отрицании описанного в монографии И. В. Синовой негативного опыта дореволюционных поколений.

¹ Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 288 с.

² Лурье В. М. Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946–1960. М., 2007; Петров Н. В., Скорокин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг. Справочник. М., 1999.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 25.

⁴ Гессен В. Ю. Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции. Т. 1. М., 1927. С. 259.

Лярский А. Б. Рецензия на монографию И. В. Синовой «Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения» // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 293–296.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (Санкт-Петербург, Россия); lam732007@yandex.ru

Ljarskij A. B. Review on: Sinova I. V. 'Deti v gorodskom rossijskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: problema socializacii, deviantnosti i zhestokogo obrashhenija'

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Technology and Design (Saint-Petersburg, Russia); lam732007@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Sinova I. V. *Deti v gorodskom rossijskom sociume vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: problema socializacii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniia* (St. Petersburg, 2014).

² Lurye V. M. *Admiraly i generaly Voennno-morskogo flota SSSR: 1946–1960* (Moscow, 2007).

³ Petrov N. V., Skorokin K. V. *Kto rukovodil NKVD. 1934–1941 gg. Spravochnik* (Moscow, 1999).

⁴ Zhukov G. K. *Vospominaniia i razmyshleniia: 2 volumes. Vol. 1* (Moscow, 2002).

⁵ Gessen V. Iu. *Trud detei i podrostkov v Rossii s XVII veka do Oktiabrskoi revoliucii. Vol. 1* (Moscow, 1927).